

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ
ВЪ РИГѢ.

24 го, 25 го и 26 го Мая
1802 года.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ 1802.

печатаю съ дозволенія Санктпетербургскаго
Гражданскаго Губернатора,

Панкратъевъ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕЛИСАВЕТѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.



ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Хвалить кстати и не кстати великихъ сего міра, для своей личной пользы, вещь слишкомъ обыкновенная; но сколько непрочная такая похвала, это всякой довольно знаетъ.

Авторъ этихъ листовъ лучше многихъ Панегристовъ можетъ быть похвалилъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА; но къ нему ни кто не можетъ здѣлать привязки подозрѣніемъ своимъ, ибо онъ не славилъ а только раска-

зываетъ о Немъ съ точностію Историка,
и въ этомъ слухаѣ Бытолисецъ выше
Панегириста.

Да и какіе искусные Ораторы мо-
гутъ украсить и возвеличить тѣ бли-
стательныя дѣла, которыя всего боль-
ше красятся собою?

Трехдневное пребываніе Государя
въ Ригѣ принесло больше Ему славы,
нежели иному Владѣльцу многіе годы
его царствованія; щастливое же ната-

ло правленія юнаго Царя открываетъ много свѣта на будущую судьбу Россіи, и показываетъ въ Немъ душу Величественнѣйшія Его Праматери и любезность характера Его несрашенной Супруги. — Благо сынамъ Россіи! — Слава Его будетъ для нихъ щастіемъ.

ВСЕАВГУСТѢЙШАЯ ИМПЕРАТРИЦА!
издавая въ свѣтъ сію книжку, я думаю здѣлать публикѣ Россійской драгоценной подарокъ, а посвящая высокому

имяни Вашему трудъ сей, ласкаюсь,
что Вы примете его какъ чистѣйшую
жертву моего къ Вамъ усердія.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

верноподданный

Григорій Глинка.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ

ВЪ РИГѢ.

24 го, 25 го и 26 го Маія

1802.

МЫ Его видѣли! Любящій Отецъ пробылъ между чадъ своихъ малое число дней, впрочемъ дѣявіями обильныхъ. Образъ Его живѣйшимъ образомъ запечатлѣнъ въ умахъ и сердцахъ нашихъ, и память о Немъ сохранился на вѣки.

Для чего всѣ описанія на бумагѣ безъ огня и жизни, и пламенные чувства нашего энтузіасма остаючися мертвы подъ рукою писателя? — Но

я въ собственномъ вашемъ ощущеніи, градожиители щасливой Риги, буду заимствовать блистательныя краски для сего легкаго эскиза. Работа моя мало-важна, но самой предметъ столько достопримѣчателенъ, что не многіе сїи листы не могутъ имѣть одинакой жребій съ обыкновеннѣйшими произведеніями пера, копорыя умирають при самомъ ихъ рожденіи. Отецъ семейства сохранишь ихъ въ фамильныхъ своихъ архивахъ. Когда насъ больше не будетъ, когда дѣти дѣшей нашихъ по среди благоденствія будутъ благословлять щасливую свою долю подъ крошкимъ правленіемъ АЛЕКСАНДРОВЫМЪ; тогда они скажутъ: „Эпохъ МОНАРХЪ, „теперь давно уже сѣдовласый старецъ, многія лѣта прежде сего, въ „дѣвѣшѣ лѣтѣ и красы посѣщаль Ригу, „гдѣ Онъ блисталъ какъ нѣкій Богъ „по среди любви народной, и память о

„Немѣ сохранена въ сихъ сшаринныхъ
 „лиспкахъ. Наши дѣды часто и много
 „намъ о томъ рассказывали, но всѣ
 „рѣдкія качества сего высокаго Посѣщи-
 „теля, равно какъ и общая радость
 „народная, безъ сомнѣнія столько же
 „слабо ими описаны, какъ и Авторомъ сихъ
 „лиспковъ, сколько и мы сами того не
 „въ силахъ здѣлать. Ахъ! еслибѣ
 „смерть дѣтей нашихъ постигла тогда,
 „какъ Самодержавный АЛЕКСАНДРЪ
 „еще бы красился подъ вѣнцомъ неува-
 „даемой славы!„

Маія 19 го, весьма рано по утру
 разнеслись въ Ригѣ радостные слухи,
 что Его Величество предпринялъ здѣ-
 лать путешествіе для обозрѣнія нѣ-
 которыхъ Провинцій Россійской Импе-
 ріи, изъ С. Петербурга отправится въ
 путь 20 го, въ вечеру 21 го будетъ на

границахъ Лифляндіи, а 24го чрезъ Дерпшъ, Валкъ и Вольмаръ прибудешъ въ Ригу.

Свища Его Величества долженствовала бытъ малочисленна, судя по тому, что на спандіяхъ было заготовлено по 70 лошадей. (*)

Извѣстіе о скоромъ прибытіи Государя какъ электрической ударъ потрясъ всѣхъ сердца. Мѣщанство собралось между собою, и согласилось единодушно принять Его торжественно. Хотя всякому извѣстно, что юный

(*) Въ росписаніи провизіи, куда входили только необходимѣйшія вещи для обѣденнаго и ужинаго стола Его Величества, можно замѣнить слѣдующія Его слова:

„Естьли между означенными сѣбѣшными
 „припасами будетъ чего не доспавать; по
 „не требуется имѣть особеннаго о томъ
 „попеченія, а стараться замѣнить шаковой
 „недоспашокъ иными припасами.“

МОНАРХЪ вообще не терпѣлъ всякаго рода торжественнаго шума и блеска; но какой горожанинъ Рижской, горя любовію пламенною къ своему Государю, могъ бытъ холоднымъ энтузіасмомъ, и не обнаружилъ предъ Нимъ радости своей и признашельности живѣйшимъ образомъ? Нѣтъ это было свыше всякой возможности; и мы видѣли какъ снисходительной АЛЕКСАНДРЪ уступивъ благородной слабости согражданъ, позволилъ здѣлать себѣ пріемъ какой они сами хотѣли. Ахъ! Онъ зналъ, сколько любовь подданныхъ Его къ Нему не ограничена; Онъ знаетъ, какимъ неоцѣненнымъ блаженствомъ Лифляндія Ему обязана.

Подъ предводительствомъ избраннаго ими Полковника Фалка, мѣщане стали по ротно, и прошянули линію по обѣ стороны улицы отъ градскихъ воротъ до Замка. Роша егарей въ зеле-

ныхъ мундирахъ, и другая въ синихъ, съ Императорскимъ шифромъ на каскахъ, красились одеждою своею въ послѣднемъ вкусѣ, видными людьми и хорошею музыкой. Зеленая и синяя мѣщанская гвардія верхомъ встрѣшила Государя въ четырехъ верстахъ отъ города, а сплошь до самой такъ называемой Нейерчилерской станціи, 11 верстъ отъ Риги, народъ толпился въ несчетномъ многолюдствѣ.

На этой станціи Государь Императоръ былъ принятъ нашимъ главнокомандующимъ, Г. Генераломъ отъ Инфантеріи К. Голицынымъ, гдѣ такъ же находились членъ Ландрашской-Коллегіи и два Депутата отъ Магистрата. Мостъ у Новой мѣльницы, гдѣ начинается граница города, былъ украшенъ арками и гирландами изъ зелени, по концѣ котораго стояли большія ворошны дугою, такъ же зеленью убран-

ныя, а надъ сводомъ пирамида формою Императорскаго А, по одну сторону градской Гербъ, а по другую Государственной Орелъ.

Процессія подвигалась впередъ медленно, поелику чѣмъ болѣе приближалась къ городу, тѣмъ болѣе тѣсноша народная зашрудняла ея шествіе. У песчаныхъ горъ собралось нѣсколько сотъ большею частію изъ Россійскихъ въ Ригѣ купцовъ. Они остановили Императорскую карету, въ которой подлѣ Государя сидѣлъ Князь Голицынъ, и просили дозволишь отпречь лошадей и вести имъ самимъ обожаемаго своего Государя до Замка. Сначала Государь не хотѣлъ на то согласиться, но прозбы ихъ были столько усильны, слезы столько убѣдительны, что Государь не вольнымъ образомъ отдался имъ. И вдругъ нѣсколько сотъ человѣкъ повлекли карету въ городъ, и сей

пихой ходъ кареты доставилъ простому народу шу выгоду, что они могли въ довольъ насладиться Его лицезрѣнiемъ.

Такое зрѣлище какъ въ частяхъ такъ и въ цѣломъ свѣше всякаго описанiя. Рига въ это время казалась быть несравненно многочислѣннѣйшимъ городомъ, нежели какова она по самой вещи. Улицы, по которымъ Государь въѣзжалъ въ городъ, были полны народа, по окнамъ и у дверей разспавлены были Монаршіе бюсты, большею частію подъ зелеными балдахинами, въ вѣнкахъ изъ розъ; не умолкаемое *Ура! Виватъ! Да здравствуетъ АЛЕКСАНДРЪ!* Раздавалось повсюду; шляпы лезали вверхъ, дамскіе плашки развѣвали въ окнахъ всякихъ цвѣтовъ; упоеніе чистѣйшей радости, всеобщее ликованіе воспора, оказывалось на всѣхъ лицахъ въ домахъ, по стогнамъ, въ улицахъ, въ цѣломъ городѣ.

Самъ же МОНАРХЪ — Ахъ! Кто видѣлъ этъ перлы въ глазахъ Его, эштошь видѣ Ангельской кротости, эшту чершу приверженности къ народу своему, шотъ понесешь съ собою въ гробъ портретъ Его. (*)

Такъ просширалась въ даль процес-

(*) Всеобщій энтузіастической духъ просшерся и на самихъ Иноземцовъ. Я приведу здѣсь только эштошь примѣръ. Машросъ съ Любскаго корабля пробиваясь сквозь кучу людей, кричалъ много разъ: дайте мнѣ взглянуть на миролюбиваго Государя, дайше! и подлинно ему удалось приблизиться къ самой каретѣ, но колѣсо проѣхало ему по ногѣ и ошдавило ему два перста. Однакожъ удовольствіе, кошорымъ онъ упивался, было столько не обыкновенно, что онъ шого самъ не примѣшилъ, и когда около стоящіе застави-ли его обратить на себя вниманіе, онъ отвѣчалъ: „это не большая бѣда! это бездѣлка! мнѣ шенерь не до моихъ двухъ пальцевъ. Мои глаза видѣли миролюбиваго Государя! я щаспливъ!,,

сія, предводимая обѣими мѣщанскими гвардіями чрезъ всѣ улицы къ Замку, торжественно тихо какъ лавный пошокъ, — не вредъ и опустошеніе причиняющей, но благодѣйствіе частное и общее; пламя лавы горѣло во всѣхъ сердцахъ.

За два часа по полудни процессія наконецъ остановилась у Замка, гдѣ Государь привѣтствуемъ былъ Генералишествомъ, корпусомъ Офицеровъ, такъ же чиновниками разныхъ присутственных мѣстъ, послѣдніе подъ предводительствомъ Г. Гражданскаго Губернатора Рихтера.

Свида ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА состояла изъ слѣдующихъ значущихъ по ихъ званіямъ чиновниковъ:

Членъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, Его Сіяшества Г. Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Графъ Кочубей.

Его Сіяшельство Г. Генераль-Лейпенаишъ, Генераль-Адьютаншъ и Кавалеръ Графъ Ливенъ.

Его Сіяшельство Г. Генераль-Адьютаншъ, Князь Волхонской.

Его Сіяшельство Г. дѣйствительный Камергеръ и Кавалеръ Графъ Толстой.

Его Превосходительство Г. дѣйствительный Камергеръ и Кавалеръ Новосильцовъ.

Лейбъ-Медикъ, Г. Сипапскій Совѣтникъ Віелли.

Въ шесть часовъ вечера, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ отправишься въ здѣшній театръ. Я щинаю за лишнее упомянушь, что во все время пребыванія Государя въ Ригѣ, народъ вездѣ бѣгалъ за нимъ толпою, и радостное *ура* не умолкало ни на минушу.

Начиная у входа театра до самой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ложи, молодая дѣ-

вицы всѣ лучшаго произхожденія", одетые въ бѣлоснежной тонкой линобатистъ, просянулись въ двѣ линіи. Они кидали Ему цвѣты, и при входѣ въ ложу подала Ему двенадцати-лѣшняя дѣвушка розу, съ такою печальною надписью на лентѣ, которою былъ перевязанъ цвѣтокъ:

Aus der Blumen Fülle
Nimm die Blume der Liebe
Nimm die Blume der Freude
Diese Rose —
Rose Du unter den Fürsten!

Т. е. Изъ кущи цвѣтовъ возьми цвѣтокъ любви и радости, эту розу — роза Ты Самъ между Царей!)

Вошедъ въ ложу, привѣщивала Его многочисленная публика съ живѣйшею радостію; оркестръ игралъ извѣстную мелодію: *God save the King*, и все собраніе пѣло громко съ душевнымъ соучастіемъ слѣдующія слова:

Singt Alexander Dank!
 Des Herzens Lobgesang
 Erken' Ihn laut!
 Hül uns! wir sehn Ihn heut!
 Uns ist sein Blick geweiht!
 Ach! warum flieht die Zeit
 So pfeilgeschwind?

Du mit dem Gegensblick
 Nimm Deiner Völker Glück
 Zum Lobgesang!
 Aus jedem Herzen wallt,
 Von jeder Lippe schallt,
 Das Kind am Busen lallt
 Dir Lieb' und Dank.

(Т. е. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ
 воспоемъ громогласно хвалу и бла-
 годареніе нашему АЛЕКСАНДРУ! Бла-
 то намъ! мы Его видимъ сего дня! мы
 наслаждаемся пріятнымъ лицезрѣніемъ
 Его! Ахъ! для чего время летишь съ
 быстрою стрелы?

Великолепная краса земная, ушѣха
 Россіи и диво свѣта, пріими благоден-
 ствіе Твоего народа въ хвалебную пѣснь!

любовь и признательность есть общая и единственная Тебѣ дань отъ Твоихъ подданныхъ, начиная отъ сарра, которой благословляетъ Тебя съ восторгомъ, копя чувства его уже замерли ко всему земному, и до самого пшеница, которой лепечетъ съ удовольствіемъ Твое Имя, не имѣя никакого еще другаго понятія о удовольствіяхъ).

Радостные клики снова были отъ всюда слышимы, занавесь поднялась, и актриса Мейереръ начала слѣдующую рѣчь :

Wer spricht es aus, des Herzens Hochgefühl,

Das heute jeden Busen schwellt?

Wer mahlt den Glanzenblick, der jedes Aug' erhellt?

Ach! der vermag kein Lied, kein Saitenspiel!

Der Felsenstrom, der rasch durch Damm und Ufer bricht,

Er mahlt die Allgewalt von Riga's Freude nicht.

Ja Riga jauchze laut! der Gütige, der Weise,

Durch den mit neuem Schmuck Ruthenien erblüht,

Durch den das Leben stieg im Preise,

Dein Herrscher ist's, den dein entzücktes Auge sieht!
 Ihr Jungfrau, streut Ihm Blumen auf die Pfade!
 Singt Sonnen Ihm im vollen Chor!
 Wand' ihm entgegen, Greis am Stabe!
 Du Mutter, heb den Säugling Ihm empor! —
 Und hier, wo sonst der Muse Spiel
 Zu frohem Sinn, zu süßem Mitgefühl
 Die Herzen sanft und freundlich wecket —
 O dankt Ihm! — in Italiens stillen Hain
 Will Er mit euch empfinden, will mit euch sich
freun.

Erhabenster Monarch! Wenn unserm Spiele
 Ein Zug der edelsten G'uhle,
 Der Menschenlieb' und Tugend je gelang;
 Nimm Du dafür den wärmsten Hergens an!
 Wo jedem Zug des Edelmuths, der Tugend,
 Hat hier der Greis, der Mann, die Tugend,
 Schnell Deines Hergens Bild erkannt,
 Im Herzen segnend Dich genannt!
 O weil uns lange noch in Deiner schönen Blüthe
 Und sey noch einst, nach Jahren ohne Zahl,
 Für Weisheit, Mild und Herrschergüte,
 Des Dichters reinstes Ideal!

(Т. е. Какой красноглазый языкъ
 расскажетъ какъ жаркое пламя любви го-
 ритъ въ груди у насъ? какая искусственная

кисть изобразить огненный взоръ очей нашихъ? Ахъ! эшаго не можешь никакой талантъ поэта и живописца! Быспроревущій пошокъ, которой все ломить, все изпровергаетъ на пупи своемъ, изобразить намъ всеильную радость Рижскихъ градожителей.

Такъ! Рига должна ликовать громогласно! юный Монархъ ея красящійся подъ блистательнѣйшимъ вѣнцомъ въ мірѣ, и возвышающійся такъ славно надъ блескомъ своего величія крошестію и благоразуміемъ своимъ, есть Власмелинъ ея, на котораго она теперь любитъ съ воспоргомъ, и не можешь налюбоваться!

Вы, дѣвы юности и красоты, разбросайте цвѣты по стезямъ Его; пойте Ему гимны полнымъ хоромъ! повлекитесь на срепеніе Ему старцы-костыльники! мащери, подымите вверхъ грудныхъ пшеницовъ своихъ! —

А здѣсь, гдѣ нѣкогда Талія и Мельпомена развеселяли духъ и улаждали чувства — О принесите Ему благодареніе! — Онъ шакъ же хочеть веселишься и горевать съ вами пріятнѣйшимъ образомъ.

Имянистый Вѣнценосецъ! естли намъ когда либо удавалось выражать щастливо благороднѣйшія чувства добродѣтели и человеколюбія, мы Тебѣ одному эшимъ обязаны! во всякой чертѣ изящнаго чувства здѣсь всѣ узнавали Твой образъ, и общее рукоплесканіе относилось на Твое лицо, хоть мы его толковали въ свою пользу.

О да будещи Ты сохраненъ на долгое время для славы мѣра и ушѣхи Россіи, и да послужишь Ты нѣкогда для поэта образцомъ нравственнаго существа, подобно какъ Бельведерской Апполонъ служишь Скульптору прекраснѣйшимъ идеалемъ наружной красоты!)

Послѣ этого была представлена опера: Лодоиска, копорую Государь изволилъ слушать до самаго конца.

Здѣшнее общество пригласило Рижскую публику на такъ называемой нарядной балъ (ball-paré), и на сей балъ собралось обоого пола слишкомъ 500 человекъ, и Его Величество такъ же ошаспливилъ сѣе празднованіе присутствіемъ своимъ. Когда Онъ вспунилъ въ большую залу, представился Ему между изображеніями Петра I и Екатерины II сквознойobeliskъ съ Императорскимъ вензелемъ, а на пѣдесналѣ слѣдующіе стихи:

Dich grüßen unsre Worte nicht;
 O ließ in jedem Angesicht,
 In jedes trunkenen Blicken
 Der Liebe segnendes Entzüffen.
 Ach warum kannst Du nicht die Herzen selbst
 auch fragen?
 Doch Dein Herz sage Dir, wie unsere für Dich
 schlagen.

(Т. е. Слова не могутъ Тебѣ сказать всего того что происходитъ въ сердцахъ у насъ; нѣтъ! лучше читай восшорги благословляющей любви изъ свѣдѣнхъ взоровъ и очей нашихъ. Ахъ! для чего Ты долженъ говорить съ сердцами чрезъ толкованія, а не прямо чрезъ самого себя? но сердце Твое пускай Тебѣ само скажетъ, какъ сильно наши бьются для Тебя).

Императоръ открылъ балъ со вдовствующею женою лейпцигскаго Тайнаго Совѣтника Г. Фишингофа, послѣ того танцовалъ съ супругою Г. Гражданскаго Губернатора и со всѣми первоспашейными дамами, и на послѣдокъ съ дамами всѣхъ чиносостояній. За ужиномъ хощя Онъ не сѣлся за столъ, однакожъ занимался съ кушающими дамами пріятнѣйшими разговорами, копорые ошпанутся всѣ между нами на долго незабвенны.

Послѣ полуночи Онъ оставилъ балъ и поѣхалъ въ Замокъ, гдѣ Онъ — не сладосному сну предался, но — внимай сему Россія и веселись! — но въ тихомъ кабинетѣ своемъ вмѣстѣ съ сотрудниками своими до 2 часовъ занимался государственнымъ работою. Такъ провелъ Онъ въ бдѣніи для блага своей націи тѣ часы ночи, въ кои иные праздновали Его посѣщеніе, а другіе ошдыхали на мягкихъ постеляхъ. —

Въ воскресенье 25 го около семи часовъ утра ѣздилъ Онъ верхомъ чрезъ Двинской мостъ по всему городу, чтобы показашъ Себя народу. На всѣхъ судахъ подняты и разпущены были флаги, на судахъ и мостахъ толпился народъ, машросы взлезли на самые верхи мачтъ, бросали свои шляпы, и кричали на высокахъ въ воздухъ радостное *ура*.

Въ 9 часовъ Онъ былъ на вахтѣ-парадѣ, приказалъ представитъ Себѣ въ

Замкѣ корпусъ Офицеровъ; по томъ слушалъ обѣдню въ Соборной Греческой церкви, допустилъ къ себѣ гражданскихъ чиновъ и купечество, и около часа отправился въ рыцарскія палаты, гдѣ Лифляндское дворянство имѣло особенное щастіе угощать своего Посѣпителя, и представитъ Ему находившихся тутъ пяти Ландраповъ.

За обѣденнымъ столомъ повстрѣчалось такое обстоятельство, которое по чрезвычайности его заслуживаетъ мѣсто въ листкахъ хроники Рижской.

Одинъ здѣшній помѣщикъ имѣетъ у себя шотъ самой кубокъ, изъ котораго Пётръ Великой 18 Ноября 1711, по случаю отправленія какого-то празднества въ Ригѣ, пилъ во здравіе города. Онъ больше обыкновеннаго стакана, и со всѣмъ въ старинномъ вкусѣ. Нашъ Беренсъ такъ же не забылъ о немъ упомянуть. Къ нему придѣлали крышку,

на которой изображено золотыми литерами самое происшествіе и число. Когда лѣтъ около семидесяти тому назадъ случился пожаръ въ загородномъ домѣ, хозяинъ вскричалъ: „ пусть все гибнетъ, спасите только кубокъ Петра Великаго! „ — Ему повсчастливилось; хотя изъ всего домашняго имущества только и успѣли вынести изъ дома что одинъ этотъ кубокъ. Такъ переходилъ онъ по праву наслѣдства отъ отца къ сыну до позднѣйшаго нынѣшняго владѣльца.

Этотъ кубокъ за столомъ поставленъ былъ перель Государя: Его Сіятельство Графъ Кочубей взялъ на себя трудъ рассказать Ему исторію этого кубка. Императоръ АЛЕКСАНДРЪ налилъ его полной шампанскимъ виномъ, вспалъ съ своего мѣста, и произнесъ громко слѣдующія слова на нѣмецкомъ языкѣ:

„За здоровіе дворянъ, мѣщанъ и всей
„націи!„

И выпилъ до послѣдней капли.

Этотъ кубокъ для шеперешняго
владѣльца и для его послѣдователей
здѣлался безцѣненъ, и это по причинѣ,
которую всякой угадашь можешь.

Послѣ обѣденнаго стола Государь
осматривалъ крѣпость, здѣшнія филан-
тропическія заведенія, Раппгаузъ, водя-
ную машину, городскую библіотеку и
Музеумъ.

Разсматривая водяную машину, Го-
сударь посѣтилъ самого Мастера, и
черезъ таковое нечаянное посѣщеніе Онъ
ошастливилъ несказанно этотъ не боль-
шой домашній кругъ.

Въ библіотекѣ Онъ спрашивалъ та-
мошній Малабарскій манускриптъ и соб-
ственноручныя Лютерова письма, и
приказалъ ихъ себѣ показать.

Въ 8 часовъ вечера отправился
Государь опять въ Рыцарскія палаты,
куда на званой балъ собралось болѣе
300 особъ обоюто пола. При всшупленіи
Его въ комнашы, дѣвида Рихтеръ, дочь
здѣшняго Губернатора, подала слѣ-
дующіе на паргаментѣ оппечашанные
спихи:

Nicht uns Monarch! gehörst Du an!
Europa fordert Dich zu Fürsten-Idealen,
Neu lebt die Menschheit auf in Deines Thrones
Strahlen,

Und wer das Gute liebt, der ist Dein Unterthan.
Doch desto seel'ger das Entzücken,
Daß Alexander! Dein wir sind!
Und das, Dein Viefland zu beglücken,
Des Scepters Macht so schön das Gottes-Werk be-
ginnt.

O! bei der Liebe Seeligkeiten,
Die Dich und uns durchströmen! sey,
Wie jetzt die Wonne unsrer Treu,
Noch einst die Ehrfurcht fernster Zeiten.

(Т. е. Ты болѣе нежели Владыка
надъ своими подданными, ибо цѣлая

Европа признаетъ Тебя своимъ, когда образують по Тебѣ идеально своихъ Владыкъ! — Человѣчество оживаетъ снова подъ живошворными лучами Твоего царскаго вѣнца, и кто только любишь добро, тотъ уже Твой подданный. Сколько мы блаженны, что имѣемъ счастье именовать себя Твоими, а Тебя нашимъ, и что въ образѣ Царя видимъ божество благошворное. О, да пребудетъ благословенна память Твоя въ роды родовъ до послѣдняго изъ сыновъ Россіи!)

Его Величество открылъ балъ съ супругою Г. Гражданскаго Губернатора; послѣ танцовалъ съ дамами всякихъ званій, и одушевилъ общество точно съ тою же самою неописанною любезностію, какъ и за день прежде сего.

Около полуночи Императоръ отправился въ Замокъ обратно, чтобы до

3 часовъ утра работашъ для блага
подданныхъ своихъ.

Въ оба вечера городъ и форштадъ
безъ всякаго предписанія отъ началь-
ства былъ освѣщенъ. Между многими
хорошо придуманными освѣщенными
карпинами и изображеніями, слѣдующія
могущъ быть здѣсь упомянуты.

Предъ Рыцарскими палашами вы-
ставлены были кромѣ великаго множе-
ства плашекъ, двѣ сквозныя картины :

Одна, эмблема земледѣлія, охра-
няемая и защищаемая мечемъ. Внизу:
Указъ 3 Декабря 1801 (кошорымъ уни-
чтоженъ зборъ въ казну хлѣбомъ) и
спихи:

Mur schützen soll das Schwerdt den Fflug,
Der einst nicht bloß die Last der eignen Mühe
trug.

Die Sonn' in aller Thronen Mitte
Ist auch das Heil von Hieslands ärmstes Hütte.

(Т. е. Мечъ только для защиты

плуга долженъ быть скованъ, коимъ нѣ-
когда не по напрасну отягчалъ себя
тяжелою работою. Усредоточенное
солнце между всѣхъ престоловъ жи-
вить и согрѣваетъ такъ же и въ сель-
скихъ Лифляндскихъ хижинахъ.)

Другая, Символь лихперашуры.
Внизу: Указъ 21 Генваря 1802 (въ ко-
торомъ означена всегдно огромная
сумма на содержаніе Дерптскаго Уни-
верситета) а подъ нимъ слѣдующія
строки:

Aus Lieflands Fluren hieß Er Seinen fernem
Gränzen

Der Weisheit neuen Tempel glänzen.

Der späten Nachwelt Licht wird noch den
Dank Ihm weihn;

Die Geister bleiben stets, so wie die Herzen
Sein.

(Т. е. Прозорливый Монаршій
глазъ не упустилъ изъ виду опда-
леннѣйшихъ границъ Лифляндіи, гдѣ

требовалось насажденія наукъ, и гдѣ Онъ воздвигъ блистательной храмъ мудрости. Просвѣщеніе позднѣйшихъ вѣковъ обязано будетъ Ему своими лучами; вліяніе же Его на умы и сердца современниковъ своихъ равно сильно.)

Рашгаузь былъ великолѣпнѣйшимъ образомъ разсвѣченъ принаравливаясь къ архитектурѣ дома, а по среди балкона горѣлъ разноцвѣтными огнями Императорской вензель между двумя пальмовыми деревьями. По левую сторону сквозная картина изображала Россію во всей ея обширности на земномъ шарѣ, надъ которою солнце блистательно возходило. Внизу картины:

Heil! Unserm Alexander Heil!

Sein Vaterherz, es schlägt für Millionen,

Die unter Seinem Schutz als frohe Menschen wohnen.

Der Sonne gleich, die wärmet und erheit,

Beglückt voll Mild und Kraft Er eine halbe Welt.

(Т. е. Благо нашему МОНАРХУ! Благо Ему! Отеческое Его сердце бьется для многих миліоновъ , кошорые въ Немъ чшутъ ошца щасшливѣйшихъ дѣшей. Подобно солнцу , кошорое свѣтитъ и согрѣваетъ , Онъ шакъ же щасшливишь свои шьмочисленные народы и земли.)

По правую такъ же историческая картина, представляющая Рушенію со знаменъ въ рукахъ , на кошоромъ изображень Имперской гербъ , у ногъ ея Исторія, повѣствующая дѣанія возлюбленнаго МОНАРХА. Ясно изображены были: Имянные Указы 14 Марша , 2 Апрѣля, 9 Сентября, 3 Окпабря 1801, 9 Апрѣля 1802, кои всѣ особенно ошасшливили Ригу , внизу слова:

Volksliebe ist Dein Diadem,
 Der Städte Glor, der Bürger Glück Sein Ruhm.
 Auch ohne Schwertschmuck groß, prang Er
 im Hülftum,
 Wird, wie ein Maß-Breel in sich selbst glänzen
 Und Riga's Bürger Ihn mit Dank und Liebe
 fängen.

(Т. е. Любовь народная Его Діадима, а цвѣтъ городовъ и щастіе гражданъ Его слава. Не желая гремѣть громкими побѣдами войны и здѣлаться великимъ чрезъ опустошеніе земель и истребленіе націй, Онъ какъ иѣкій Богъ во святилищѣ, и безсмертіе Его пріосенился лаврами какого нибудь Марка-Аврелія а не Александра міропокорителя.)

Простая но замысловатая идея предъ домомъ Рижскаго купца Хлѣбникова такъ же заслуживаетъ вниманіе. Два рога изобилія, концами своими обращенные вверхъ, и образующіе прекрасное Греческое А, вѣнчаемое Царскимъ вѣнцомъ. Внизу помѣщены были стихи такого смысла:

(Смотри какъ темнота ночи превратилась въ свѣтлость дня, и какъ природа сняла съ себя черной покровъ, чтобъ нарядиться въ торжественныя одежды. Рига горитъ блистательнѣйшимъ

свѣтомъ опъ радости что видишь по
среди ея небожищеля въ образѣ ко-
роннаго Царя.)

Въ понедѣльникъ 26 го, прежде се-
ми часовъ утра, Императоръ въ Замкѣ
былъ воспріемникомъ при крѣщеніи ново-
рожденнаго сына Генераль-Маіора Язы-
кова, послѣ этого ѣздилъ верхомъ
для осмотра Таврическаго гранадерскаго
полку, и удостоилъ на конецъ здѣшня-
го Гражданскаго Губернатора особенною
милостию Своею, пожаловавъ къ нему на
такъ называемой веселой завтрыкъ (*Dejeu-
ner-dansant*). Общество собралось до 8 ча-
совъ утра. Дворъ передъ домомъ до самой
парадной лестницы усаженной густыми
липами, переплешенные и связанные
искусно фестонами и гирландами изъ
цвѣтовъ, превращень былъ въ обширной
тропъ, а по обѣ стороны стояли оран-
жереи и розовые кусты. При входѣ
въ домъ, всѣ дамы вышли встрѣшшь

Его Величество, усыпали пушью Его Цвѣтами, и Государь изволилъ пробыть здѣсь до 10 часовъ по среди танцовъ и всеобщаго веселія.

Около 11 часовъ до обѣда оставилъ Онъ сей обожающій Его городъ и отправился въ Митаву. Клики народной радости провожали Его за городъ, и долго еще носились по городу, какъ АЛЕКСАНДРА уже въ немъ не было.

Между многими Царскими милостями, которыми Императоръ ошаспанилъ Лифляндію, всего прежде долженъ я упомянуть о рескриптѣ, на имя его Сіятельства Князя Голицына, въ которомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изображаетъ Свое Монаршее благоволеніе за устройство и порядокъ по всѣмъ частямъ Губерніи, и совершенную Свою признательность за приверженность къ Нему всего города Риги.

Опричь сего получили:

Его Сіяшельство г. Генераль ошъ Инфантерїи, Инспекторъ Лифляндской девизїи, Рижской Военной Губернапоръ, Гражданской главнокомандующій Лифляндской, Естляндской и Курляндской Губерній и Кавалеръ Князь Голицынъ, Орденъ Свяаго Апошоло Андрея.

Его Превосходительство, господинъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Лифляндской Гражданской Губернапоръ и Кавалеръ Рихшеръ табакерку съ шифромъ Его Величества богато украшенную бриллїаншами.

Супруга его бриллїаншовой першень съ солишеремъ.

Его Превосходительство, господинъ Генераль-Лейшенантъ и Кавалеръ Булгаковъ бриллїаншовой першень съ шифромъ.

Его Превосходительство, г. Рижской

Комендантъ, Генераль-Маіоръ и Кавалеръ Емме бриллѣаншовой перстень.

Его Превосходительство, г. Генераль-Маіоръ Данцасъ бриллѣаншовой перстень съ солитеремъ.

Его Превосходительство, г. Дѣйствительный Спашскій Совѣтникъ Вицъ-Губернашоръ и Кавалеръ Беръ бриллѣаншовой перстень съ Имперашорскимъ шифромъ.

Господинъ Ландрашъ, Полковникъ и Кавалеръ Сиверсъ, кошорый провожалъ Его Величество чрезъ всю Лифляндію, голубую емалевую шабакерку осыпанную крупными бриллѣаншами.

Резидентный господинъ Ландрашъ Баронъ Унгернъ-Штернбергъ бриллѣаншовой перстень съ шифромъ.

Господа Ландрашы Графъ Мелинъ, Будденброкъ и Левенштернъ каждой по бриллѣаншовому перстню.

Смаршина здѣшняго такъ называе-

мага общества: Schwarze-Häupter Гольштъ (*) брилліантовой перстень.

Адьюпаншъ Рижской Мѣщанской гврдѣи Лангевицъ и Викенъ, которые находились при Его Величествѣ во все время Его пребыванія въ Ригѣ, каждой по брилліантовому перстню.

Содержашель здѣшняго нѣмецкаго Театра Мейеръ 300 червонныхъ.

Нижнимъ чинамъ баталіона Таврическаго гранодерскаго полку за ученіе Его Величество пожаловаль по рублю на человѣка.

(*) Сей почтенный старшина объявилъ не давно, что онъ въ завѣщаніи своемъ откажетъ по смерти своей этотъ перстень упомянутому обществу, которой послужитъ вѣчнымъ памятникомъ особеннаго Монаршаго благоволенія, и старшина общества въ правѣ будетъ носить его на рукѣ при всякомъ торжественномъ празднествѣ.

Заходящее солнце оставило послѣ себя прекраснѣйшій вечеръ, нашъ же юный Царь, послѣ отсудствія своего, пріятнѣйшія впечатленія.

Монархъ свѣдалъ, что въ Перновскомъ уѣздѣ, гдѣ неблагоприятная земля худо награждаетъ трудолюбіе земледѣльца, и гдѣ опричь сего трехгодичной сряду наурожай изтощилъ у помѣщиковъ всѣ средства пособить своимъ крестьянамъ, все грозило въ немъ ужасами совершеннаго недоспашка. Его Величество изволилъ приказать, уѣзжавъ изъ Риги, чтобы изъ здѣшнихъ казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ опущено было въ займы для сего округа на раздачу крестьянамъ отъ двухъ до четырехъ тысячъ четвертей муки.

И съ этимъ прямо Царскимъ поступкомъ заключимъ сей не большой эскизъ.

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

I.

По утру въ день прибытія Его Величества въ Ригу ходило по рукамъ публики слѣдующее небольшое творенье, на заданной текстъ:

КАКЪ НАМЪ ЕГО ПРИНЯТЬ?

*Запросъ Рижскихъ жителей къ 24
Маю 1802.*

Время такъ коротко! сердца наши такъ полны! а въ Немъ мы видимъ такого Монарха, которому при всей неограниченности нашей къ Нему любви и преданности, мы всегда готовы сказать: „мы Тебя любимъ и чтимъ не потому что Ты Монархъ, а потому что Ты близокъ нашему сердцу!,,

Граждане! будемъ спокойны со стороны Его. Все что мы для Него ни делаемъ, удачно ли или нѣтъ, Онъ

чно поймешь наше доброе намѣреніе въ хорошую сторону.

По улицамъ въ кущахъ толпящагося народа, гдѣ на шотъ часъ не будешь ни одного человека съ опятченнымъ сердцемъ или пасмурнымъ лицомъ, или такого, кошорой пришелъ только для того чшобы посмотреѣшь на другихъ и послушать, ни одного, кошорой бы не былъ настроенъ къ живѣйшей радости, и не веселился въ душѣ своей, что увидишь АЛЕКСАНДРА, — Эншузіастической восторгъ, съ коимъ бы глазъ могъ Его видѣть близко въ ошдаелнности, и провожать взоромъ въ изчезаніи — Радостное восклицаніе старца: „благодарю Бога, что мнѣ привелось еще взглянуть на Него прежде смерти!“, — Распросы дѣшей: „Такъ эшотъ красивой юноша шотъ самой и естъ добрый Государь, про кошораго вы намъ всегда говорите?“, — Нѣмое пріязненное пожиманіе рукъ

между мужчинами, и сверкающія отъ радости слезы на глазахъ машерей, которыя сшолько щасливы, что воспинали Ему добрыхъ гражданъ, лучшую подпору отечесства — Одинакое чувство патриотизма согрѣвающее болѣе нежели 30000 человекъ божественною своею непластою — Вашъ пріемъ достойной высокаго нашего Посѣпителя.

А во время Его здѣсь пребыванія?

Онъ конечно не только не опречешся, но и за долгъ посшавишь Себѣ принять отъ ошасшавленныхъ Имъ живѣйшую признательность. Онъ не уклонится отъ веселящейся толпы съ ребяческою невинностію. МОНАРХЪ и безъ того всегда окруженъ служителями своими вездѣ гдѣ Онъ прешольствуетъ, и гдѣ трудъ и заботы съ Нимъ неразлучны. Въ Провинціяхъ возлюбленный принадлежишь весь народу, поелику

сей классъ людей болѣе прочихъ признашельной, но имѣя рѣдко случай Его видѣшь, они за то на эпошь разъ хошашъ въ Немъ богошворишь Кумира своего.

Всякая наша Ему жертва будетъ пріятна. Но граждане! *Устрои́тъ для Него праздни́ство по Его сердцу.* Общее благо-единственнаѧ цѣль всѣхъ Его дѣяній: О когдабъ мы могли здѣлать что либо для блага общаго!

Я умалчиваю о пользѣ нашихъ заведеній для спраждающаго человѣчества. Это прекрасное право принадлежишь особамъ, копорымъ здѣлано на то поручишельство правишельствомъ. Одно Монаршее слово! Одинъ намѣкъ на сокровища шорговли; копорыми мы обогащаемъ Европу! Одна черта Его пера — и они учреждены на самомъ швердомъ основаніи. Но когдабъ я былъ шаршина какого нибудь общеполезнаго

...-овленія, гдѣ бы требовалось по-
 правленій, или ...-нъ какого нибудь
 общества, гдѣ бы я могъ ...-ать что
 либо доброе, или, наконецъ, соучаст-
 никъ какого нибудь права, которое бы
 могъ распространить на многихъ —
 Вотъ вамъ мое слово, что *сегодня* я
 бы на все охотно согласился. Хотя
 многіе изъ нашихъ богачей достойные
 обладатели своихъ имуществъ, и спра-
 ждующее чловѣчество не рѣдко нахо-
 дишь въ нихъ благотворителей своихъ,
 но я не могу отказать моему сердцу
 чѣмъ бы не пожелать: о когдабъ могли
 они, покровили сирыхъ и безпокров-
 ныхъ, кои дѣлали такъ много добра,
 или кои имѣютъ похвальныя къ тому
 свойства и расположеніе, о когдабъ всѣ
 доброжелатели и благотворители со-
 ставили между собою братской союзъ,
 и ознаменовали сей радостной день
 какимъ либо новымъ филантропическимъ

заведеніемъ, достойное вниманія ~~потом~~
ства! О когдабъ они ~~оказали~~ пре-
красную ~~и~~ учрежденія дѣвичей шко-
лы! или дѣшамъ, копорыя не знаютъ
своихъ опцовъ, и коимъ часто не доз-
воляется любить матерей своихъ, до-
ставили убѣжище и призрѣніе! или,
наконецъ, изстрадающимъ отъ хлада и
голода, теплый уголь и пищу!

Но есѣли силы ваши не будутъ
соразмѣрны благимъ намѣреніямъ, чтобъ
праздновать свое веселіе *въ духѣ*
АЛЕКСАНДРА; то знайте: что все-
общее распространеніе радости естѣ
главная потребность Его великой души.
Когдабъ богачи простили работающимъ
прилежно опцамъ многочисленныхъ се-
мействъ, или печальной вдовѣ выдали
годовое содержаніе на продовольство
ея и съ малюшками своими — Когдабъ
доспашочные удвоили дряхлымъ стар-
цамъ дачу ихъ на всю жизнь; съ эшаго

дня заплашили за науку юноши; или замѣнили лучшею одеждою обвѣщалос плашье вдовицы — Когда бы, кто и самъ не имѣеть большаго избытка, дажь по своимъ силамъ и возможности: ушомленному подкрѣпленіе, больному лѣкарства целѣбныя, робенку подарокъ — Когдабъ тѣ, которые издавна другъ друга избѣгаютъ, встрѣтившись сегодня примирились на всю жизнь свою, и заключили торжественно союзъ братства; когдабъ сшаратели изпросили обѣщанное для покровительствуемыхъ ими; когдабъ никто не отказалъ другому въ прозбѣ его, — Когдабъ всякой изъ насъ сегодня здѣлалъ какое либо добро для своего ближняго, или бы утѣшилъ его какимъ ни есть образомъ — тогда бы празднованіе наше было по сердцу *АЛЕКСАНДРА!*

II.

АЛЕКСАНДРУ ВОЗЛЮБЛЕННОМУ.

Поднесено въ Ригѣ письменно 26
Маія 1802, Лифляндскимъ резиден-
тнымъ Ландрапомъ господиномъ Унгер-
номъ-Штернбергомъ.

Всемилоствѣйшій Государь !

При радостныхъ кликахъ многихъ
миліоновъ подданныхъ, Ваше Величе-
ство возсѣло на освященный Престолъ
Предковъ Вашихъ — Опецъ безчислен-
ныхъ чадъ своихъ ! — и — съ блестящи-
ми перлами на глазахъ, мы поклялись
торжественно въ лицѣ неба сохранить
до гроба вѣрность и подчиненность къ
Царю нашему !

Уже Лифляндія признаетъ Васъ,
обожаемый МОНАРХЪ ! по чешырнад-
цати мѣсячномъ мудрому правленіи Ва-
шемъ, — обновилемъ ея благоденствія,

— ея древнихъ правъ, кровію опщевъ нашихъ освященныхъ! — Избавителемъ отъ угнетавшаго насъ чрезъ цѣлое полу-столѣтіе побора земными продуктами — созидателемъ храма Музъ, для образованія настоящихъ и грядущихъ племенъ! — и она манишь себя не лестною надеждою вознестись на торную степенъ блаженства подъ скипетромъ АЛЕКСАНДРОВЫМЪ! —

Но нынѣшній день преисполнилъ всѣ желанія благоурожденныхъ Лифляндіи — и сей день, величайшій изъ Вѣнценосцевъ! привелъ Васъ по среди любящихъ чадъ Вашихъ! а вмѣстѣ съ возрѣніемъ на Васъ — сердца въ насъ сильнѣе прежняго бьются для вѣрности, любви и повиновенія! —

Удостойте Ваше Величество все-милосливѣйшаго принятія всерадостнаго поздравленія отъ имени всей Лифляндіи съ щасливимъ прибытіемъ

Вашимъ , и опустите мнѣ съ обыкновеннымъ Вамъ милосердіемъ , что языкъ мой не въ силахъ выразишь того, что происходитъ въ сердцахъ моихъ собратій, ибо чувствуя сердца свыше всякаго искусства Оратора; и позвольте здѣсь торжественно удостоверить Ваше Величество, что дворянство Лифляндское готово пролить для Вашей славы и пользы Россіи кровь свою до послѣдней капли , и въ томъ поспавляешь свое верховное благо , чтобы швердымъ и постояннымъ вѣрноподданничествомъ своимъ , заслужишь высочайшую Царскую любовь и благосклонность ! ! ! —
